

САМООЦЕНКА И ЦЕННОСТНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.800

EDN: QINHEL

Социальный статус российской молодёжи: представления и реальность

Ссылка для цитирования: *Мареева С. В.* Социальный статус российской молодёжи: представления и реальность // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 2. С. 159–183. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.800; EDN: QINHEL

For citation: Mareeva S. V. The social status of Russian youth: ideas and reality. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 159–183. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.800; EDN: QINHEL

Мареева Светлана Владимировна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

s.mareeva@gmail.com

AuthorID ПИНЦ: 526217

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности социального статуса современной молодёжи в её объективном и субъективном измерении. Объективные социальные статусы молодёжи охарактеризованы через положение её представителей в ключевых иерархиях по уровню образования, профессиональным позициям и уровню дохода. Показано, что уровень образования российской молодёжи за последние двадцать лет заметно вырос; социально-профессиональная структура молодёжной группы также претерпела определённые изменения, отразившиеся в снижении в её составе доли неработающих, а также рабочих различного уровня квалификации. Пространство социально-профессиональных статусов молодёжи не демонстрирует значимых отличий по сравнению с россиянами средних и старших возрастов, и это же характерно для моделей доходной стратификации этих групп. В целом, говоря о пространстве объективных статусов молодёжи в современном российском обществе, можно констатировать, что молодёжь не оказывается в этом отношении в ущемлённом положении в силу специфики этапа жизненного цикла – наоборот, уже в молодёжной группе можно наблюдать сложившуюся конфигурацию социальной структуры, характерную и для россиян трудоспособных возрастов в целом (что отражается, в частности, в схожей доле среднего класса в составе этих групп). Что касается субъективных статусов, то молодые россияне, как и граждане в целом, склонны помещать себя на средние позиции в обществе. Однако то положение, которое они считают для себя «справедливым», как и желаемое ими положение, оказываются гораздо выше текущего, что также может приводить к накоплению недовольства, поскольку отражает заведомо нереалистичные ожидания относительно социальной мобильности. И хотя в отношении среднесрочного будущего молодые россияне достаточно позитивны, их ожидания от ближайших 2–3 лет более сдержанны. Негативным индикатором служит тот факт, что

молодёжь разделяет со взрослыми россиянами ощущение несправедливости устройства российского общества, причём эти представления мало связаны с их объективными статусами. Ключевыми элементами справедливого общества молодые россияне видят при этом принципы, связанные с инструментализацией принципа равенства возможностей.

Ключевые слова: социология, молодёжь, социальный статус, средний класс, субъективный социальный статус, справедливость, равенство возможностей

Постановка проблемы

Как показывают исследования, несоответствие запросов в отношении своего социального статуса повседневной реальности выступает одним из факторов накопления социальной напряжённости и социально-экономического недовольства [21]. Подобные психоэмоциональные состояния могут ещё в большей степени интенсифицироваться, если каналы социальной мобильности, существующие в обществе, представляются недоступными или нелегитимными, что приводит и к снижению толерантности к характеризующим общество неравенствам [19; 14]. Более того, в обществах с высоким уровнем неравенства, к которым можно отнести и Россию [3; 5], особенно ярко проявляется проблема социальной тревоги – чем сильнее расслоение общества, тем сильнее выражена среди населения тревожность, связанная со своим социальным статусом и относительным положением в социальной структуре [22].

Проблемы соотношения реального и желаемого статуса россиян, а также их представления о справедливости общественного устройства и о факторах мобильности уже оказывались в фокусе внимания российских учёных [9; 13]. Однако в особой степени эти вопросы актуальны для представителей молодёжи, поскольку они находятся на старте самостоятельного жизненного пути, и недостаточно широкие жизненные перспективы могут восприниматься ими особенно остро. Представления о возможностях повышения своего социального статуса, то есть о доступных каналах социальной мобильности, способны оказывать влияние на решения, принимаемые ими относительно инвестиций в свой человеческий капитал, и в целом на будущие жизненные траектории.

Именно поэтому в фокусе анализа данной статьи – оценки объективных социальных статусов представителей молодёжи в современном российском обществе и их динамика, а также отражение их в субъективном восприятии и оценки, которые они дают возможностям повышения своего статуса.

Эмпирической базой исследования выступили данные общероссийского социологического исследования, собранного в ходе реализации совместного проекта ФНИСЦ РАН и РИСИ «Молодёжь и Россия

будущего»¹. Для оценки динамики использовались также массивы более ранних общероссийских репрезентативных исследований ИС ФНИСЦ РАН, в которых были выделены аналогичные подвыборки молодёжи. Это позволило проследить происходящие изменения в одних и тех же возрастных группах с учётом их взросления, а также сравнить объективные и субъективные статусы молодёжи образца разных лет.

Объективные социальные статусы представителей молодёжи

Объективный социальный статус отражается в нескольких ключевых измерениях, относящихся к разным социальным иерархиям. Прежде всего, это профессиональный статус, уровень образования и индивидуальный доход. Как выглядит пространство социальных статусов молодых россиян в этих ракурсах сегодня, и какие изменения произошли за два последних десятилетия с теми объективными структурными позициями, которые они занимают в обществе?

Первое, к чему следует обратиться, – это **уровень полученного образования**. Ожидается, что среди молодёжи уровень образования в целом ниже, чем среди старшего поколения, так как часть её представителей ещё продолжает его получать. Однако уровень образования нарастает по мере взросления молодёжи: так, в группе 30–35-летних высшее образование имеют 39,3% – это выше, чем, например, среди россиян 55–65 лет. Одновременно с этим, со временем среди молодёжи сокращается доля лиц, получивших среднее специальное и особенно общее среднее образование или ниже его (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Динамика уровня законченного образования среди россиян 18–35 лет,
2000–2021 гг., %

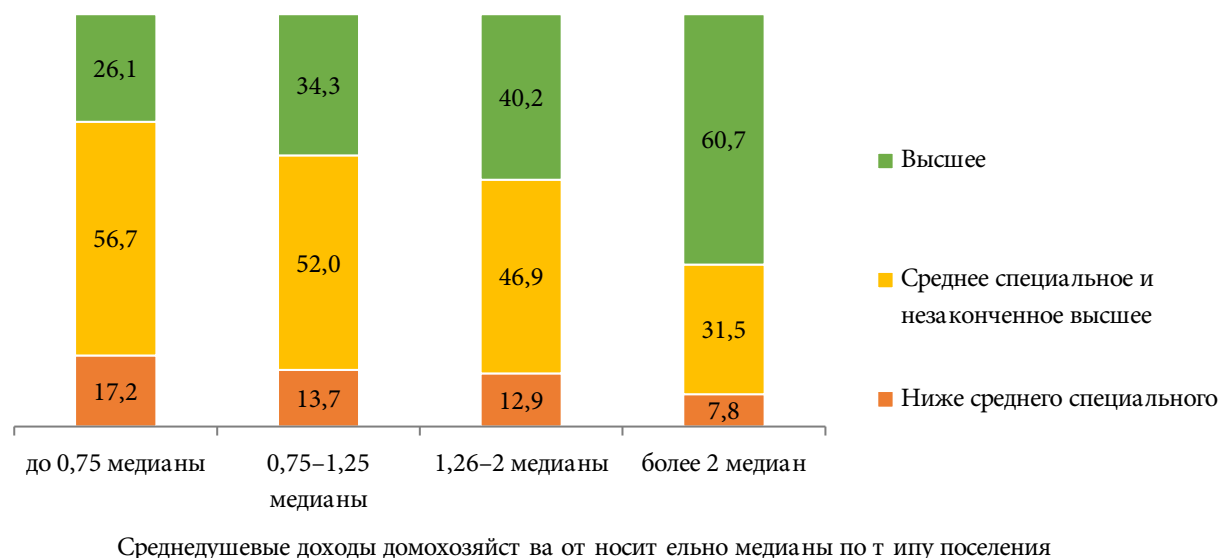
*Dynamics of the level of completed education among Russians aged 18–35,
2000–2021, %*

Уровень образования	2000	2010	2021
Два высших образования, магистратура, аспирантура, кандидат или доктор наук	1,7	1,8	2,2
Высшее, включая незаконченное	26,2	31,5	37,6
Среднее специальное	45,1	41,9	40,3
Общее среднее и ниже	27,0	24,8	19,9

¹ Полевой этап исследования был проведён в июне 2021 г. и охватил 6000 респондентов в возрасте 14–65 лет. Объём выборочной совокупности целевого опроса молодёжи 14–35 лет составил 4000 респондентов, опроса группы респондентов в возрасте 36–65 лет – 2000 респондентов. Выборка опроса предполагала квоты по возрасту (в разбивке на семь возрастных интервалов), типу поселения, уровню образования, роду профессиональной деятельности, а также полу. Опрос проводился в 43 субъектах РФ, включая два мегаполиса.

Если обратиться к группе молодёжи 14–35 лет, не являющейся ни студентами, ни школьниками, хорошо прослеживается дифференциация уровня их образования в зависимости от типа поселения. Высшее образование является сегодня в России прерогативой жителей крупных городов. В них таковое имеют 42,3% молодёжи (Москва и Санкт-Петербург не отличаются в этом отношении от центров субъектов РФ), в прочих городах – 34,4%, а в сельской местности доля обладателей вузовских дипломов снижается до 29,9%. Обратная зависимость наблюдается для тех, кто получил образование ниже среднего специального: их доля возрастает с 9,5% в крупных городах до 14,9% в прочих городах и 19,0% в сельской местности.

Ещё ярче проявляется зависимость образования и уровня доходов в домохозяйствах. В этом отношении нельзя говорить про причинно-следственную связь, поскольку, с одной стороны, более высокие доходы домохозяйства могут служить предпосылкой для получения его молодыми членами более высокого уровня образования вследствие отсутствия необходимости раннего выхода на рынок труда, наличия возможностей для получения платного образования и пр., а с другой – более высокий уровень образования может способствовать повышению среднедушевых доходов в домохозяйствах вследствие того, что индивидуальный доход молодых россиян заметно возрастает среди имеющих высшее образование (так, среди тех, кто уже не учится, но при этом не получил высшее образование, доходы находятся около уровня медианы индивидуальных доходов по типу поселения, в то время как среди получивших высшее образование они оказываются в среднем в полтора раза выше). В любом случае взаимосвязь уровня образования и доходов домохозяйства очевидна (см. рис. 1).

Рис. 1. Уровень образования россиян 18–35 лет (за исключением студентов и школьников) из домохозяйств с разным уровнем доходов, 2021 г., %
Figure 1. Level of education of Russians aged 18–35 (excluding students and schoolchildren) from households with different income levels, 2021, %

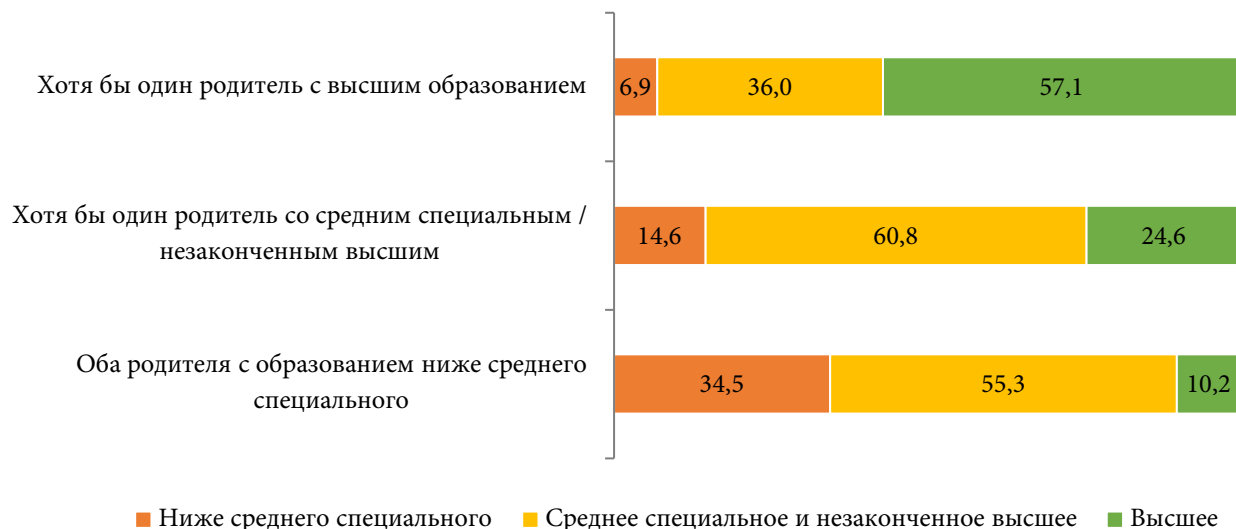
Видно, что высшее образование становится социальной нормой для той части молодёжи, уровень ежемесячных среднедушевых доходов в домохозяйствах которой превышает 2 их медианных значения по типу поселения – среди выходцев из таких семей его обладателями являются более 60%. В домохозяйствах с более низкими уровнями доходов наиболее распространённым для молодёжи является среднее специальное образование.

Таким образом, материальное положение семьи и место проживания выступают важными факторами получения молодёжью высшего образования. Это важно как с точки зрения разработки образовательной политики, которая должна быть направлена на выравнивание возможностей в этой сфере, так и с точки зрения субъективных представлений молодёжи, для которой принцип равенства возможностей устойчиво имеет безусловную ценность, о чем мы ещё скажем ниже.

Данные проведённого исследования позволили оценить не только образовательный статус молодых россиян «в моменте», но и их образовательную межпоколенную мобильность – через доли различающихся уровнем собственного образования выходцев из семей с разным образовательным уровнем родителей. Корреляционный анализ показал, что связь собственного образования с уровнем образования отца оказывается сильнее, чем с образованием матери, хотя обе эти взаимосвязи являются значимыми. Если исключить студентов и школьников, которые в силу возраста ещё не завершили своё образование, то для остальных представителей молодёжи чётко прослеживается повышение уровня собственного законченного образования при повышении уровня образования родителей. Выходцы из семей, где ни один из родителей не получил хотя бы среднее специальное образование, в трети случаев также остановились на образовании ниже этого уровня (что почти в 2,5 раза выше, чем в среднем по молодёжи). В то же время они более чем в половине случаев получили все же среднее специальное образование, а каждый десятый – даже высшее, что позволяет говорить в отношении этой группы о восходящей образовательной мобильности. В семьях, где хотя бы один из родителей имел среднее специальное или незаконченное высшее образование, большинство молодых россиян получили такой же его уровень (60,8%), демонстрируя процессы социального воспроизводства этой группы. Ещё четверть её представителей, получившие высшее образование, характеризуются восходящей образовательной мобильностью. Наконец, среди выходцев из семей, где хотя бы один из родителей имел высшее образование, большую долю составляют те, кто и сам получил образование этого уровня. При этом около 40% представителей данной группы демонстрируют нисходящую образовательную мобильность (см. рис. 2).

В целом данные показывают, что говорить об образовательной мобильности можно применительно к выходцам из наименее образованных семей, в то время как в семьях со средним и высоким уровнем образования родителей доминирует социальное воспроизводство.

Рис. 2. Уровень образования россиян 18–35 лет (за исключением студентов и школьников) из семей с разным образовательным уровнем родителей, 2021 г., %

Figure 2. Level of education of Russians aged 18–35 (excluding students and schoolchildren) from families with different educational levels of parents, 2021, %

Второй ключевой индикатор объективного социального статуса – это **профессиональные позиции**. Согласно данным исследования, среди молодёжи 18–35 лет не работает только каждый десятый. Среди остальных наиболее массовой группой выступают специалисты на должностях, предполагающих высшее образование, а также рядовые работники торговли или сферы бытовых услуг. При этом за последние два десятилетия социально-профессиональная структура российской молодёжи заметно изменилась (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Укрупнённый социально-профессиональный портрет россиян 18–35 лет, 2000/2021 гг., %

Enlarged socio-professional portrait of Russians aged 18–35, 2000/2021, %

Профессиональный статус	2000	2021
Предприниматель, самозанятый	4,6	5,8
Руководитель высшего, среднего или низшего звена или специалист на должности, предполагающей высшее образование	21,0	28,4
Служащий на должностях, не требующих высшего образования, или рядовой работник торговли или сферы бытовых услуг	13,0	32,8
Рабочий	43,1	21,8
Не работают / другое	18,4	11,2

Параллельно с ростом общего образовательного уровня меняется и конфигурация тех позиций, которые молодёжи предлагает рынок труда. По сравнению с ситуацией двадцатилетней давности, среди моло-

дых россиян снизилась доля рабочих различного уровня квалификации за счёт роста численности занимающих позиции специалистов с высшим образованием и руководителей и ещё в большей степени – за счёт служащих без высшего образования и работников торговли и сферы услуг. Это говорит о процессе общего повышения профессионального статуса молодых россиян. Предыдущие исследования показали, однако, что работников торговли и сферы услуг можно охарактеризовать как «новый рабочий класс»: по уровню социальной защищённости, устойчивости положения, степени соблюдения социальных гарантий и т. п. они оказываются ближе к рабочим, чем к специалистам с высшим образованием [11]. При этом пространство социально-профессиональных статусов молодёжи не демонстрирует ярких отличий от аналогичного для россиян средних и старших возрастов: наибольший разрыв между ними оказывается в доле неработающих (11,2% среди молодёжи против 17,5% среди россиян средних и старших возрастов). Обращает на себя внимание и сокращение доли неработающих молодых россиян: если в 2000 г. не работал почти каждый пятый в возрасте 18–35 лет, то через 10 лет этот показатель сократился до почти каждого десятого и сохраняется на этом уровне и сегодня.

Наконец, третий индикатор объективного социального статуса – это *индивидуальный доход*. При подобном анализе необходимо учитывать проблему пространственной неоднородности России. Различия в медианных значениях индивидуальных доходов молодёжи, проживающей в разных типах поселений, достаточно велики. Если в Москве и Санкт-Петербурге медианный доход, судя по данным исследования, составляет 38 000 рублей в месяц, то в сёлах – только 22 000 рублей. Однако в разных типах поселений различаются и стоимость жизни, и характер распределения доходов, поэтому один и тот же абсолютный показатель может свидетельствовать о разных объективных статусных позициях в доходной иерархии в зависимости от того, где именно проживает тот или иной молодой человек. Поэтому в целях дальнейшего анализа обратимся к соотношению индивидуальных доходов с их медианными значениями по типам поселений, что позволит определить занимаемое положение по уровню дохода по отношению к типичному для данного типа поселения и охарактеризовать сравнительное положение в общей доходной иерархии, которое эти доходы обеспечивают [6].

Доходная стратификация группы молодёжи, имеющей индивидуальные доходы, построенная на основании соотношения доходов её членов с медианными значениями по типам поселений, повторяет по конфигурации модель доходной стратификации россиян старших возрастов. Самой массовой в ней выступает группа с доходами, отклоняющимися в ту или иную сторону от медианы не более чем на четверть (38,4%). Около четверти молодёжи имеют доходы от 1,25 до 2 медиан – тот их уровень, который можно считать соответствующим доходам,

типичным для российского среднего класса. Соотношение полярных доходных групп таково, что численность низкодоходных слоёв в четыре раза превышает численность высокодоходных (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Доходная стратификация относительно медианных значений индивидуального дохода по типам поселений среди россиян 18–35 лет и 36–65 лет, 2021 г., %

Income stratification relative to the median values of individual income by type of settlement among Russians aged 18–35 and 36–65, 2021, %

Доходная группа	Молодёжь 18–35 лет	Россияне 36–65 лет
До 0,75 медиан включительно	30,6	28,3
От 0,75 до 1,25 медианы	38,9	38,4
От 1,25 до 2 медиан	23,0	24,5
От 2 медиан и выше	7,5	8,8

Если проследить, как изменилась доходная структура молодёжной группы за последние 10 лет, то видно, что в средних слоях произошло некоторое перераспределение: в 2010 г. удельный вес группы с доходами более 1,25 медианы был выше, а группы с доходами от 0,75 до 1,25 медианы – ниже, чем в 2021 г. Условно говоря, среди молодёжи имело место перераспределение из верхнего среднего в нижний средний слой, однако на общей конфигурации модели доходной стратификации это сказалось не сильно. По мере взросления одного и того же поколения молодёжи происходящие в её принадлежности к тем или иным доходным группам изменения также оказываются не слишком значительными. Так, в 2010 г. к благополучной части населения (с доходами более 1,25 медианы по типу населённого пункта) относились 33,2% молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет; среди этой же, но значительно повзрослевшей группы аналогичная доля составила в 2021 г. 31,5% (см. табл. 4). Таким образом, по мере взросления молодёжи общая модель её статусов в доходной иерархии не меняется, а соотношение благополучных и неблагополучных по доходам групп остаётся достаточно стабильным.

Таблица 4 (Table 4)

Динамика доходной стратификации относительно медианных значений индивидуального дохода по типам поселений среди россиян 18–35 лет в 2010 и 2021 гг., а также в одном и том же поколении с учётом его взросления, 2010/2021 гг., %

Dynamics of income stratification relative to the median values of individual income by types of settlements among Russians aged 18–35 in 2010 and 2021, as well as in the same generation, taking into account its maturation, 2010/2021, %

Доходная группа	Молодёжь 18–35 лет		Молодёжь 18–30 лет, 2010	Россияне 29–41 лет, 2021
	2010	2021		
До 0,75 медианы	31,2	30,6	33,2	30,4
От 0,75 до 1,25 медианы	33,3	38,9	33,6	38,1
От 1,25 медианы	35,5	30,5	33,2	31,5

Для понимания специфики объективных статусов молодёжи важно посмотреть также, как они соотносятся между собой и накладываются друг на друга. Именно те индикаторы социального статуса, которые были рассмотрены выше (образование, профессиональная позиция и доход), зачастую лежат в основе выделения среднего класса в его социологическом понимании. Существуют разные подходы к определению и набора индикаторов, и тех пороговых значений, которые являются необходимыми и достаточными для того, чтобы отнести индивида к среднему классу [2; 8; 12]. В последние годы относительно консенсусным в среде российских исследователей начинает выступать подход, согласно которому для попадания в состав среднего класса необходимо выполнение следующих условий:

- уровень дохода выше 1,25 медианного по типу поселения,
- наличие высшего или незаконченного высшего образования,
- профессиональные позиции работников нефизического труда, за исключением работников сферы торговли и услуг (в силу их близости к рабочему классу).

Условие одновременного соответствия этим трём критериям позволяет очертить границы социальной группы, которая обладает определённым уровнем человеческого капитала, получает на него доходы на рынке труда, занимая соответствующие профессиональные позиции, и при этом обладает таким уровнем дохода, который позволяет поддерживать собственный уровень человеческого капитала и обеспечивать его межпоколенческое воспроизводство за счёт инвестиций в человеческий капитал детей.

Велика ли доля среднего класса среди молодёжи и как она меняется со временем? С учётом того, что среди критериев есть показатели индивидуального дохода и социально-профессионального статуса, в дальнейшем анализе будет рассмотрена только работающая молодёжь от 18 до 35 лет; для корректного сравнения будет использована подгруппа работающих россиян от 36 до 65 лет.

Эмпирические данные свидетельствуют, что доля работающего населения, соответствующего одновременно трём этим критериям, близка среди молодёжи и россиян средних и старших возрастов. К составу среднего класса можно отнести 17,7% молодёжи и 21,0% россиян 36–65 лет. Группа, для представителей которой характерно соответствие двум из трёх признаков (назовём её периферией среднего класса, так как часть её представителей теоретически могут пополнить его состав), составляет 23,6% среди молодёжи и 21,2% среди взрослых россиян. Наконец, наиболее многочисленной в составе молодёжи (как, впрочем, и среди остальных россиян) является группа, представители которой не могут рассматриваться в качестве социальной базы для расширения среднего класса, поскольку обладают не более чем одним признаком из трёх. Таковых среди молодых россиян около 60% (см. табл. 5).

Таблица 5 (Table 5)

**Доли среднего класса и других групп,
выделенных в соответствии с многокритериальным подходом,
среди работающих россиян 18–35 лет и 36–65 лет, 2021 г., %**
*Shares of the middle class and other groups identified in accordance
with the multi-criteria approach among working Russians aged 18–35 and 36–65, 2021, %*

Социальная группа	Молодёжь 18–35 лет	Россияне 36–65 лет
Средний класс (соответствие всем трём признакам)	17,7	21,0
Периферия среднего класса (соответствие двум признакам из трёх)	23,6	21,2
Остальное население	58,7	57,8

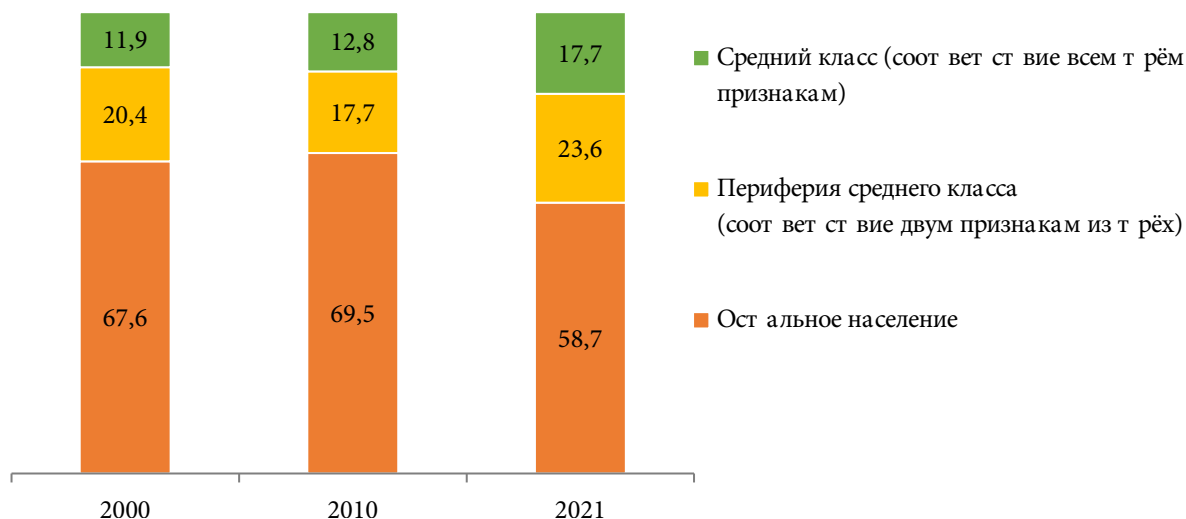
Таким образом, социальная структура работающей молодёжи и россиян среднего и старшего возрастов очень близка, и средний класс, учитывая периферийную его часть, составляет у них около 40%. Ниже мы ещё обратимся к субъективному восприятию молодыми россиянами своего статуса и их запросам в этом отношении, однако, забегая вперёд, важно отметить, что запросы эти достаточно высоки и без изменения качества рабочих мест, доступных для молодёжи, а также зарплат на них вряд ли могут быть реализованы.

Произошли ли в этом отношении какие-либо изменения за последние два десятилетия? Стоит оговориться, что за этот период изменились и отдача на человеческий капитал разного качества (хотя их эмпирические оценки при этом различаются – см. [1]), и требования к его качеству в рамках тех или иных профессиональных групп (иными словами, пороговые значения для попадания в средний класс на рубеже веков могли быть иными, чем сегодня). Помимо этого, в массивах данных не полностью совпадают индикаторы, необходимые для выделения среднего класса¹, поэтому полученные результаты следует воспринимать скорее как иллюстрацию общих тенденций, чем как точную оценку масштабов их действия. Эти тенденции свидетельствуют о постепенном расширении доступных для молодёжи структурных позиций, обеспечивающих им тот относительно благополучный «социальный стандарт», который свойственен среднему классу (см. рис. 3).

Итак, данные показывают, что за последние два десятилетия доля молодёжи, которую можно отнести к среднему классу, возросла. Однако фиксируемый рост не привёл к качественным изменениям в соотношении разных социальных групп: как и раньше, средний класс составляет меньшинство, численность его периферии оказывается больше, чем собственно ядро среднего класса, но даже вместе они составляют менее половины населения (в 2000 г. – треть, в 2021 г. – около 40%). Таким образом, расширение привлекательных социальных позиций, обеспечивающих более высокий уровень и качество жизни, большую устойчивость на рынке труда, возмож-

¹ Так, для 2000 г. мы используем среднедушевой доход домохозяйства, а не индивидуальный доход. Отличается для этого года и кодировка социально-профессиональных групп, что могло привести к небольшому завышению доли населения, соответствующего на тот момент критерию профессионального статуса для отнесения к среднему классу.

ности карьерного роста и реализации жизненных целей (все эти характеристики среднего класса как типичные именно для него были неоднократно подтверждены в научных исследованиях – см., например, [10]), происходит, но достаточно медленно. Важно также отметить, что молодёжь не оказывается в этом отношении в ущемлённом положении в силу специфики этапа жизненного цикла. Наоборот, уже в молодёжной группе можно наблюдать сложившуюся конфигурацию социальной структуры, характерную и для россиян трудоспособных возрастов в целом.

Рис. 3. Динамика доли среднего класса и других групп, выделенных в соответствии с многокритериальным подходом, среди работающих россиян 18–35 лет, 2000–2021 гг., %

Figure 3. Dynamics of the share of the middle class and other groups identified in accordance with the multi-criteria approach among working Russians aged 18–35, 2000–2021, %

Если говорить о барьерах, препятствующих попаданию российской молодёжи в состав среднего класса, то в 2021 г. наиболее «жёстким» критерием оказался уровень дохода (ему соответствовала треть работающей молодёжи, в то время как критерию образования – около 40%, а критерию профессионального статуса – более половины). В этом отношении ситуация в последние два десятилетия изменилась: в 2010 г., как и в 2000 г., основным блокирующим признаком вхождения в средний класс выступал уровень образования. Более того, в 2000 г. при определении среднего класса критерий профессиональной позиции оказывался даже жёстче, чем критерий дохода, – в силу более низкого медианного уровня доходов и меньшего их разброса среди молодёжи. В наши дни эти барьеры изменили свою сравнительную значимость по отношению друг к другу.

Таким образом, в российском обществе наблюдается постепенное расширение структурных позиций, отличающихся высоким уровнем образования и соответствующим профессиональным статусом. Однако от расширения пространства этих позиций, доступных для молодёжи, отстаёт рост доходов, которые они позволяют получать. Это приводит к тому, что доход выступает сегодня наиболее жёстким барьером для попадания работающей молодёжи в состав среднего класса. Это ставит

ряд вопросов к социально-экономической политике государства в отношении «нормирования» заработных плат и приведения их в большее соответствие с требуемым уровнем образования и квалификации.

В срезе различных профессиональных групп шансы на попадание в средний класс руководителей любых уровней и предпринимателей (но не самозанятых) наиболее велики и превышают 50%. Среди молодых специалистов на должностях, предполагающих высшее образование, в состав среднего класса попадает менее половины – прежде всего, в силу недостаточности уровня доходов, которые они получают. Это может стимулировать накопление социально-экономического недовольства у молодых представителей данной профессиональной группы.

Субъективные социальные статусы молодых россиян и их запросы в этом отношении

Выше были рассмотрены некоторые особенности объективных статусов молодёжи и их динамика. Однако субъективные оценки социально-экономических явлений могут достаточно сильно отличаться от их объективного состояния [15; 16] и при этом оказывать на формирование социальной напряжённости и протестных настроений даже большее влияние [20]. В связи с этим важно проанализировать не только объективные структурные позиции, которые занимает сегодня российская молодёжь, но и восприятие ими этих позиций – то есть субъективные социальные статусы.

Инструментарий исследования позволял использовать для решения данной задачи ряд индикаторов, связанных с субъективной оценкой нынешнего статуса, статуса, положенного «по справедливости», а также желаемой позиции в обществе. Предыдущие исследования уже выявили некоторые особенности самооценок россиянами своего статуса. В частности, было показано, что люди соотносят себя не с обществом в целом, но с представителями близких позиций из схожих доходных, образовательных, профессиональных групп [13]. Это приводит к доминированию средних оценок в общей модели субъективной стратификации – то есть модели, построенной на основании субъективных оценок социального статуса. Данные свидетельствуют, что это характерно и для современной российской молодёжи. Так, на «социальной лестнице» из 10 ступеней, где 1 – самое низкое положение, а 10 – наиболее высокое, её представители чаще всего определяют себя на 5 или 6 позицию. Среднее значение оказывается равным 5,7, а медианной выступает 6-я ступень. В срезе разных молодёжных возрастных групп различий в этом отношении не наблюдается, и для среднего и старшего поколений также свойственны близкие оценки своего положения. Что касается прочих факторов дифференциации этих оценок, то на три верхние позиции сравнительно чаще ставят себя те, кто имеет доходы более 2-х медиан по типу поселения, высшее образование, а также те, кто имел высокообразованных родителей (хотя во всех этих группах также доминируют средние оценки своего положения).

Однако интерес представляет не только общая конфигурация модели субъективной стратификации, но и соответствие или же несоответствие запросов в отношении своего социального статуса реальному, которое может являться одним из источников социально-экономической напряжённости. В связи с этим важно оценить, как сегодня выглядят представления молодых россиян о том месте в обществе, которое в их понимании положено им по справедливости, а также о том, которое они хотели бы занимать.

Данные показывают, что запросы российской молодёжи в отношении своего статуса довольно высоки. Так, среднее значение их «справедливой» позиции оказывается равным 7,5, медианное – 8, а для желаемого ими места в обществе эти значения ещё выше и составляют 8,2 и 9,0 соответственно. Эти результаты свидетельствуют о заведомо завышенных ожиданиях молодых россиян (см. табл. 6).

Таблица 6 (Table 6)

Самооценка своего социального положения в настоящее время,
«положенного по справедливости»
и желаемого социального статуса россиянами 18–35 лет, 2021 г., %
*Self-assessment by Russians aged 18–35 of their current social status,
“fairly deserved” and desired social status, 2021, %*

Самооценка общественного положения	Положение сейчас	Положенное по справедливости	Желаемое положение
Наиболее высокое	1,9	15,2	33,7
9	3,0	14,4	17,5
8	9,4	24,8	21,9
7	15,6	18,0	12,3
6	24,3	11,4	4,4
5	23,3	9,7	3,8
4	13,2	3,5	1,6
3	6,8	1,7	1,8
2	1,7	0,8	1,2
Наиболее низкое	0,9	0,5	1,6
Среднее значение	5,7	7,5	8,2
Медиана	6,0	8,0	9,0

Положение, которое молодые россияне должны были бы, по их представлениям, занимать «по справедливости», отличается от их нынешнего положения на 2 ступени, а разрыв желаемого положения с нынешним ещё больше – 3 ступени (медианные значения). Чем ниже место в обществе, на которое помещают себя молодые россияне, тем выше соответствующие разрывы, что может означать накапливающееся недовольство молодёжи из нижних социальных слоёв несоответствием желаемого и действительного, хотя это недовольство связано не только с объективными барьерами для мобильности, но и с собственными завышенными ожиданиями молодых россиян.

Говоря об ожидаемой ими мобильности в будущем, современная российская молодёжь видит свои среднесрочные перспективы «в радужном свете»¹. По сравнению с тем положением, которое они занимают сейчас, 60,6% молодых россиян рассчитывают повысить его через 10 лет. Для 21,0% ожидаемое повышение составляет одну ступень, для остальных оно больше. Сохранения нынешнего положения ожидает в десятилетней перспективе каждый пятый россиянин 18–35 лет. Понижение собственного интегрального статуса предполагает аналогичная доля представителей молодёжи.

Показательно, что даже такие позитивные ожидания не в полной мере отвечают запросам россиян: их «справедливые» и тем более желаемые позиции в обществе оказываются выше тех, которые они предполагают занять к 2031 г. Иными словами, даже позитивные ожидания восходящей мобильности в следующие 10 лет не соответствуют той мобильности, которую молодые россияне должны были бы пройти в соответствии с их представлениями о справедливости.

Отметим, что ожидания молодёжи от будущего не являются лишь продуктом их возраста – хотя они и выше, но не демонстрируют качественных отличий от представлений остальных россиян, для которых также характерны мечты о «светлом будущем», но в среднесрочной, а не краткосрочной перспективе (см. табл. 7). Ожидания относительно мобильности в краткосрочной перспективе имеют иную конфигурацию. Говоря о ближайших 2–3 годах, молодёжь чаще всего не ожидает никаких изменений в своей жизни (46,3%), хотя 44,7% все же предполагают её улучшение, а каждый десятый – ухудшение.

Таблица 7 (Table 7)

Субъективная ожидаемая мобильность и мобильность «по справедливости»
среди россиян 18–35 лет и 36–65 лет, 2021 г., %
*Subjective expected mobility and mobility “by fairness”
among Russians aged 18–35 and 36–65, 2021, %*

Социальная группа	Молодёжь 18–35 лет	Россияне 36–65 лет
Ожидаемая мобильность через 10 лет		
Восходящая	60,6	53,8
Отсутствие мобильности	19,1	27,8
Нисходящая	20,3	18,4
Мобильность «по справедливости» (разница нынешнего статуса и статуса, положенного «по справедливости»)		
Восходящая	75,7	71,9
Отсутствие мобильности	16,4	21,3
Нисходящая	7,9	6,8

¹ Теоретически это могло бы способствовать повышению толерантности молодёжи к неравенствам [17], но на практике ожидаемая мобильность практически не оказывает влияния на восприятие ими неравенства.

Представления молодёжи о социальной справедливости и факторах жизненного успеха

Наконец, обратимся к вопросу о том, как при сложившихся объективных особенностях социальных статусов и их субъективного восприятия молодые россияне оценивают справедливость ситуации в российском обществе в целом и какие факторы считают ключевыми для социальной мобильности. В предыдущих исследованиях неоднократно отмечалось, что именно социальная справедливость является в представлениях россиян ключевым элементом желаемого будущего России [4; 7]; не отличается в этом смысле и молодёжь. При этом, как мы показали выше, справедливое для себя положение в социальной структуре общества она оценивает в массе своей гораздо выше своего нынешнего положения, причём для большинства её представителей подобные запросы вряд ли реализуются. В этих условиях особенно важно выявить специфику понимания молодыми россиянами тех факторов, которые, на их взгляд, обеспечивают продвижение к успеху в современном российском обществе. От того, насколько справедливыми или несправедливыми представляются им таковые, находятся они под контролем самого человека или являются следствием внешних, предписанных условий [18], зависит и степень социальной напряжённости в молодёжной среде.

Первое, что нужно отметить, – тот факт, что практически две трети молодых россиян в возрасте 18–35 лет считают устройство жизни в России несправедливым (65,9%, в том числе 18,4% полагают, что оно безусловно несправедливо). Эта доля лишь немногим ниже, чем среди взрослых россиян (69,8%). Разочарование в устройстве российского общества в этом отношении нарастает по мере взросления, хотя отличия между разными подгруппами молодёжи при этом не столь велики: даже среди самых молодых россиян в возрасте 14–17 лет более половины (57,7%) говорят о его несправедливости, в то время как в старшей подгруппе молодёжи аналогичная доля достигает 67,6%. Таким образом, ощущение несправедливости не дифференцирует между собой разные возрастные группы.

Некоторое влияние на эти представления оказывает объективный социальный статус, но и он не приводит к качественным различиям. Так, среди молодёжи, которую можно отнести к среднему классу, 60,3% также заявляют о несправедливости сложившегося в России положения дел (при 68,4% среди работающих россиян 18–35 лет, кто имеет лишь один признак принадлежности к среднему классу из трёх или не имеет таковых вовсе).

Представления молодёжи о справедливости в большей степени оказываются дифференцированы не по объективным, а по субъективным основаниям. В частности, более выражена связь представлений о справедливости и субъективной оценки своего положения в обществе. Так, если среди тех, кто поместил себя на три нижние позиции, более трёх четвертей уверены в несправедливости его устройства (75,7%),

то на трёх верхних позициях эта доля снижается до 55,7%; несколько уменьшается и интенсивность этого чувства (от трети полностью в этом уверенных до 12,0% соответственно).

При этом, однако, само понимание справедливости может быть различным в тех или иных группах. Дифференцирована ли в этом отношении российская молодёжь и отличается ли её представление о ключевых компонентах социальной справедливости от россиян из среднего и старшего поколений? Данные показывают, что общее представление о социальной справедливости свидетельствует скорее о солидарности между россиянами разных возрастов, чем о ценностном расколе между ними, хотя определённые различия в этом отношении всё-таки имеют место (см. табл. 8).

Так, и для молодёжи, и для россиян 36–65 лет наиболее значимым оказывается равенство всех перед законом – именно его отмечают в качестве ключевого элемента справедливого общества более 60% и младшей, и старшей возрастной группы. Далее по значимости для молодёжи следует принцип равенства возможностей, в том числе для детей с разными «стартовыми условиями». Третьим ключевым принципом справедливого общественного устройства выступает равный доступ к услугам, обеспечивающим накопление и поддержание человеческого капитала, – к медицинскому обслуживанию и образованию. Для старшего поколения тройку лидеров составляют эти же принципы, хотя равенство в доступе к здравоохранению и образованию оказывается для них более важным, чем равенство возможностей детей.

Для молодых россиян в большей степени актуализирована проблема равного доступа к хорошим рабочим местам по сравнению со средним и старшим поколениями. При этом равенство уровня жизни и отсутствие в обществе бедных и богатых, наоборот, отмечается представителями молодёжи реже, чем россиянами 36–65 лет (32,8% и 37,1% соответственно). Таким образом, социальная справедливость связана для молодёжи в первую очередь с принципом равенства возможностей и институциональным устройством общества, обеспечивающим реализацию данного принципа на практике.

С учётом вышесказанного неудивительно, что в дилемме «равенство возможностей для проявления способностей каждого важнее, чем равенство положения, доходов и условий жизни» – «равенство доходов, положения, условий жизни важнее, чем равенство возможностей» 62,8% молодёжи выбирают первое. Эта убеждённость преобладает и у россиян 36–65 лет (56,9%), то есть по мере взросления россиян приоритет равенства возможностей не утрачивает для них своей значимости. В связи с этим несоблюдение на практике тех принципов, которые связаны с обеспечением равенства возможностей и которые молодёжь считает основополагающими для социальной справедливости, чревато накоплением социального недовольства.

Таблица 8 (Table 8)

Представления о социальной справедливости россиян 18–35 лет и 36–65 лет, 2021 г., %¹ (допускалось до трёх ответов)
Social justice perceptions of Russians aged 18–35 and 36–65, 2021, % (up to three answers were allowed)

В чём состоит социальная справедливость	Молодёжь 18–35 лет	Россияне 36–65 лет
В равенстве всех перед законом, чтобы нельзя было уходить от ответственности за разного рода преступления и даже ДТП только потому, что ты «начальство», богат или знаменит	60,7	61,9
В том, чтобы каждый мог достичь всего, на что он способен, а дети из разных по благосостоянию семей имели равные возможности для успеха в жизни	45,9	43,6
В равенстве доступа к необходимой медицинской помощи и качественному образованию, где бы ты ни жил и сколько бы денег у тебя ни было	41,4	46,0
В том, чтобы положение каждого члена общества зависело от его труда – его эффективности, тяжести, требующейся для него квалификацией и т. д.	35,0	34,4
В том, чтобы уровень жизни всех был примерно одинаковым, не было ни очень богатых, ни очень бедных	32,1	37,1
В равенстве доступа к хорошим рабочим местам, прекращении трудоустройства «по благу»	32,5	27,6

С другой стороны, нельзя не отметить постепенный переход со временем части сторонников равенства возможностей в лагерь сторонников равенства доходов. Данная тенденция наблюдается для всего населения, и молодёжь в этом смысле лишь отражает общий вектор. Так, в 2000 г. приоритет равенству возможностей отдавали три четверти россиян 18–35 лет, к 2011 г. их доля снизилась до двух третей (65,9%), а к 2021 г. – до чуть более 60%. Тем не менее представление о главенстве принципа равенства возможностей всё же продолжает преобладать среди россиян всех возрастов.

Важным элементом социальной справедливости, понимаемой через равенство возможностей, является и возможность улучшать своё положение, то есть социальная мобильность. Поэтому значимым видится анализ представлений молодых россиян о тех факторах, которые позволяют продвигаться вверх по «социальной лестнице» и добиваться успеха. Представления молодёжи об этих факторах представлены в табл. 9.

Как показывают данные, ключевыми в восприятии молодых россиян факторами достижения благополучия в современном российском обществе являются человеческий капитал (в тех его аспектах, которые связаны с образованием и полученной профессией, готовностью к труду, а также «мягкими» навыками самообучения и коммуникации; здоровье при этом отходит для молодёжи на второй план) и социальный капитал – наличие нужных связей. Ещё четверть молодых людей отмечает

¹ Фоном выделены ячейки, показатели в которых превышают 50%.

среди факторов успеха материальные возможности родителей (обуславливающие стартовое неравенство возможностей), а также склонность к предпринимательству. Таким образом, в представлениях молодых россиян наиболее значимые в современном российском обществе факторы успеха неоднородны: некоторые из них зависят от самого человека и имеют легитимный характер, а другие связаны с особенностями семьи и окружения. При этом, рассуждая о факторах жизненного успеха, так или иначе связанных с образованием, молодёжь обращается в первую очередь к тем из них, которые описывают их собственный образовательный статус, в то время как образование родителей оказывается в их глазах незначимым. С точки зрения различных вариантов семейной поддержки в представлениях молодёжи гораздо важнее оказывается материальное положение родителей.

Таблица 9 (Table 9)

Представления о факторах жизненного успеха россиян 18–35 лет и 36–65 лет, 2021 г., %¹

Perceptions about the factors of success in life among Russians aged 18–35 and 36–65, 2021, %

От чего зависит жизненный успех	Молодёжь 18–35 лет	Россияне 36–65 лет
От уровня образования, знаний, навыков	43,3	43,5
От наличия нужных связей, знакомых, которые могут помочь «пробиться»	41,1	41,7
От готовности упорно трудиться, ответственности, надёжности	36,7	35,9
От выбранной профессии, специальности	35,0	34,5
От готовности развиваться, учиться, расти над собой	30,3	27,2
От умения строить отношения, коммуницировать	27,7	25,3
От «предпринимательской жилки»	25,9	21,2
От материальных возможностей родителей	24,2	26,6
От здоровья	21,0	24,3
От везения	19,4	21,1
От места проживания	17,6	18,9
От наличия диплома престижного вуза	17,6	17,1
От поддержки государством молодёжи, молодых семей, семей с детьми	17,2	16,3
От наличия надёжных друзей, которые могут поддержать в трудный момент	15,8	16,6
От успешного замужества (женитьбы)	9,8	9,7
От готовности пренебречь нормами морали	8,7	8,8
От образования родителей	5,4	4,8

¹ Фоном выделены факторы, ранговые позиции которых у молодёжи и россиян 36–65 лет различны.

В общей картине факторов успеха позитивным, с нашей точки зрения, индикатором выступает то, что готовность пренебречь нормами морали практически не воспринимается современной молодёжью как важный фактор успеха – его отмечают лишь 8,7%. Это позволяет утверждать, что расхожее предположение о резком снижении значимости морали в новых поколениях преувеличено, а молодёжь не слишком сильно отличается в этом отношении от старшего поколения. При этом само понимание моральных норм и их границ в младших и старших возрастных группах, безусловно, может различаться.

Сопоставление представлений молодёжи и россиян старших возрастов о факторах успеха позволяет сделать вывод о том, что их отличия не носят качественного характера, хотя место некоторых из них в общей иерархии факторов жизненного успеха у россиян 14–35 и 36–65 лет различается. Так, для россиян средних и младших возрастов большую роль играют материальные возможности родителей и здоровье человека, а для молодёжи – личностные особенности. Всё это свидетельствует о том, что представления об устройстве российского общества, принципах социальной справедливости и их воплощении на практике являются для населения страны консенсусными и входят в общую нормативно-ценностную модель, которую в полной мере разделяет и молодёжь.

Всё вышесказанное свидетельствует о том, что ощущающая свою нестабильность в краткосрочном периоде молодёжь остро воспринимает черты социальной несправедливости и неравенств, характеризующие современное российское общество, что является фактором накопления социально-экономического недовольства, могущего привести к росту протестных настроений.

Основные выводы

Объективные социальные статусы молодёжи можно охарактеризовать через положение её представителей в ключевых иерархиях по уровню образования, профессиональным позициям и уровню дохода. Уровень образования российской молодёжи в сравнении с началом XXI века заметно вырос, однако объективными барьерами для получения высшего образования выступают материальное положение домохозяйства, проживание в сельской местности и небольших городах, а также низкий уровень образования родителей.

Социально-профессиональная структура молодёжной группы за последние двадцать лет претерпела изменения, отразившиеся в снижении в её составе доли неработающих и рабочих за счёт роста численности служащих без высшего образования, работников торговли и сферы услуг, а также специалистов с высшим образованием или руководителей. Можно говорить об общем повышении профессиональных статусов молодых россиян, однако нужно понимать, что по многим аспектам занятости работники торговли и сферы услуг оказываются ближе к рабочим,

нежели к специалистам с высшим образованием, и рост их доли означает переход части молодёжи из «старого» рабочего класса в «новый», не расширяющий при этом их жизненные возможности. Пространство социально-профессиональных статусов молодёжи не демонстрирует значимых отличий по сравнению с россиянами средних и старших возрастов.

Модель доходной стратификации, построенная на основании соотношения индивидуальных доходов с медианными значениями по типам поселений, также оказывается схожей для молодёжи и для россиян старших возрастов. Наиболее массовым выступает в ней медианный слой. По мере взросления молодёжи общая модель её статусов в доходной иерархии не меняется, соотношение благополучных и неблагополучных групп по доходам остаётся достаточно стабильным, составляя около 1/3 к 2/3.

Интегральные объективные статусы с учётом положения во всех трёх ключевых иерархиях можно проиллюстрировать с помощью оценки доли среднего класса среди молодых россиян. В состав среднего класса, выделенного по критериям образования, профессиональной позиции и дохода, попадает 17,7% работающей молодёжи, что близко к аналогичному показателю по взрослому населению. За последние два десятилетия доля представителей среднего класса среди молодёжи несколько возросла, что свидетельствует о постепенном расширении доступных для неё структурных позиций, обеспечивающих тот достаточно высокий «социальный стандарт», который является желаемым для россиян в целом. Однако и сегодня средний класс составляет среди молодёжи меньшинство, а доля тех, кто заведомо уже не сможет войти в его состав, превышает половину. Важно, что среди молодых специалистов, занятых на должностях, предполагающих высшее образование, в состав среднего класса попадают менее половины – в силу недостаточности уровня их доходов. Это может являться причиной накопления у них недовольства существующим положением дел.

В целом, говоря о пространстве объективных статусов молодёжи в современном российском обществе, можно констатировать, что молодёжь не оказывается в этом отношении в ущемлённом положении в силу специфики этапа жизненного цикла – наоборот, уже в молодёжной группе можно наблюдать сложившуюся конфигурацию социальной структуры, характерную и для россиян трудоспособных возрастов в целом.

Что касается субъективных статусов, то молодые россияне в большинстве склонны помещать себя на средние позиции в обществе, как и граждане страны в целом. Однако то положение, которое они считают для себя «справедливым», как и желаемое ими положение, оказываются гораздо выше нынешнего, что отражает заведомо нереалистичные ожидания респондентов относительно социальной мобильности. При этом, говоря о будущем, молодые россияне достаточно оптимистичны – большинство их планирует повысить свой статус в течение следующих десяти лет. Однако ожидания от ближайших 2–3 лет более сдержанны, и в этом

отношении молодёжь также повторяет особенности всего российского населения, которое склонно верить в собственное «светлое будущее», но только в отдалённой перспективе.

Тревожным представляется тот факт, что ощущение несправедливости устройства современного российского общества является доминирующим во всех без исключения возрастных группах, в том числе и среди самых молодых россиян, причём эти представления мало связаны с их объективными статусами. В понимании справедливости население страны также в целом солидарно, хотя среди молодёжи большую сравнительную важность имеют все принципы, связанные с инструментализацией равенства возможностей. Ключевыми элементами справедливого общества молодые россияне видят равенство перед законом, равенство возможностей для детей из разных слоёв общества, равенство доступа к медицинскому обслуживанию и образованию. Отсутствие или слабая реализация этих принципов на практике будет служить одним из ключевых источников генерирования недовольства и социальной напряжённости среди молодёжи. Последнее особенно опасно, учитывая резко возросшие политические риски в контексте обострившейся в последние месяцы международной обстановки.

Как показало наше исследование, ключевые факторы достижения благополучия в современном российском обществе в восприятии молодых россиян неоднородны и включают в себя как зависящие от самого человека и имеющие меритократический характер (например, разное качество человеческого капитала) факторы, так и иные – например, социальный капитал, материальные возможности семьи. В этом отношении молодёжь также не отличается качественно от старшего поколения, разделяя схожие с ним представления о факторах успеха, а не предлагая альтернативную модель их видения. Эти представления ещё раз подчёркивают необходимость движения российского общества в сторону большего равенства возможностей – принципа, на который молодёжь предъявляет особенно высокий спрос.

Библиографический список

1. Капелюшников Р. И. Отдача от образования в России: ниже некуда? // Вопросы экономики. 2021. № 8. С. 37–68. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-8-37-68
2. Малева Т. М., Бурдяк А. Я., Тындик А. О. Средние классы на различных этапах жизненного пути // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. Т. 3. № 27. С. 109–138.
3. Мареева С. В. Монетарное неравенство в России в социологическом измерении // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 3. С. 78–98. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.664

4. Мареева С. В. Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян // Журнал институциональных исследований. 2015. Т. 7. № 2. С. 109–119. DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.2.109-119
5. Мареева С. В., Слободенюк Е. Д. Неравенство в России на фоне других стран: доходы, богатство, возможности [Электронный ресурс]: аналитический доклад / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021. URL: https://www.hse.ru/data/2022/03/14/1808800660/02_Mareeva_Inequality_in_Russia_NCMU_Site_03-2022.pdf (дата обращения: 10.04.2022).
6. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под общ. ред. Н. Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с. DOI: 10.317544469-1419-7
7. Петухов В. В. Идеино-политические предпочтения россиян: смена дискурса // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 4. С. 25–43. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.4.7654
8. Пишняк А. И. Динамика численности и мобильность среднего класса в России в 2000–2017 гг. // Мир России: Социология, этнология. 2020. Т. 29. № 4. С. 57–84. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-4-57-84
9. Римский В. Л. Справедливость в современной России: мечты и использование в социальных практиках // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 27–36.
10. Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / Под общ. ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016. 368 с.
11. Тихонова Н. Е. Последствия кризиса 2020–2021 гг. для различных профессиональных групп российского общества // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 2. С. 46–67. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8086
12. Тихонова Н. Е. Средний класс в фокусе экономического и социологического подходов: границы и внутренняя структура (на примере России) // Мир России: Социология, этнология. 2020. Т. 29. № 4. С. 34–56. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-4-34-56
13. Тихонова Н. Е. Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян // Вестник Института социологии. 2018. № 27. С. 11–43. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.536
14. Cojocar A. Fairness and inequality tolerance: evidence from the Life in Transition survey // Journal of Comparative Economics. 2014. Vol. 42. No. 3. P. 590–608. DOI: 10.1016/j.jce.2014.01.003
15. Gimpelson V., Treisman D. Misperceiving inequality // Economics & Politics. 2018. Vol. 30(1). P. 27–54. DOI: 10.1111/ecpo.12103
16. Hauser O. P., Norton M. I. (Mis) perceptions of inequality // Current Opinion in Psychology. 2017. Vol. 18. P. 21–25. DOI: 10.1016/j.copsyc.2017.07.024

17. Hirschman A., Rothschild M. The changing tolerance for income inequality in the course of economic development // *The Quarterly Journal of Economics*. 1973. Vol. 87(4). P. 544–566.
18. Krijnen J. M., Ülkümen G., Bogard J. E., Fox C. R. Lay theories of financial well-being predict political and policy message preferences // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2022. Vol. 122(2). P. 310–336. DOI: 10.1037/pspp0000392
19. Larsen C. How three narratives of modernity justify economic inequality // *Acta Sociologica*. 2016. Vol. 59. No. P. 93–111. DOI: 10.1177/0001699315622801
20. Loveless M. The Deterioration of Democratic Political Culture: Consequences of the Perception of Inequality // *Social Justice Research*. 2013. Vol. 26. P. 471–491. DOI: 10.1007/s11211-013-0198-7
21. Schneider S. Why Income Inequality Is Dissatisfying. Perceptions of Social Status and the Inequality-Satisfaction Link in Europe // *European Sociological Review*. 2019. Vol. 35. No. 3. P. 409–430. DOI: 10.1093/esr/jcz003
22. Wilkinson R., Pickett K. *The Spirit Level: Why More Equal Societies Almost Always Do Better*. London: Allen Lane, 2009. 330 p.

Получено редакцией: 26.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Марева Светлана Владимировна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.800

EDN: QINHEL

The Social Status of Russian Youth: Ideas and Reality

Svetlana V. Mareeva

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: s.mareeva@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-2057-8518

For citation: Mareeva S. V. The social status of Russian youth: ideas and reality. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 159–183. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.800; EDN: QINHEL

Abstract. This article examines the features of the social status of modern youth in its objective and subjective dimensions. The objective social statuses of young people are characterised by the position of their representatives in the key hierarchies in terms of education level, professional positions and income level. It is shown that the level of education of the Russian youth has increased noticeably over the past twenty years; the socio-professional structure of the youth group also underwent certain changes, reflected in a decrease in the proportion of the unemployed, as well as workers of various skill levels, in its composition. The space of socio-professional statuses of young people does not demonstrate significant differences compared to Russians of middle and older ages, and this is also typical for models of income stratification of these groups. In general, speaking about the space of the objective statuses of young people in modern Russian society, it can be stated that young people are not in a disadvantaged position in this respect due to the specifics of this stage of the life cycle – on the contrary, already in the youth group one can observe the existing configuration of the social structure, that is also characteristic of Russians of working age as a whole (that is reflected, in particular, in a similar share of the middle class in these groups). With regard to subjective

statuses, young Russians, like citizens in general, tend to place themselves in middle positions in society. However, the position they consider “fair” for themselves, as well as their desired position, turn out to be much higher than the current one, that can also lead to the accumulation of discontent, since it reflects obviously unrealistic expectations regarding social mobility. And although young Russians are quite positive about the medium-term future, their expectations for the next 2–3 years are more restrained. A negative indicator is the fact that young people share with adult Russians a sense of the unfairness of the structure of Russian society, and these perceptions have little to do with their objective statuses. At the same time, young Russians see principles related to the instrumentalisation of the principle of equal opportunities as key elements of a just society.

Keywords: sociology, youth, social status, middle class, subjective social status, justice, equality of opportunity

References

1. Kapeliushnikov R. I. Returns to education in Russia: Nowhere below? *Voprosy ekonomiki*, 2021: 8: 37–68 (in Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2021-8-37-68
2. Maleva T. M., Burdyak A. Ya., Tyndik A. O. Middle classes at different stages of life course. *Zhurnal Novoj jekonomicheskoy associacii*, 2015: 27(3): 109–138 (in Russ.).
3. Mareeva S. V. Monetary inequality in Russia in the sociological dimension. *Vestnik instituta sotziologii*, 2020: 11(3): 78–98 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.664
4. Mareeva S. V. Social justice and inequalities in views of Russians. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy*, 2015: 7(2): 109–119 (in Russ.). DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.2.109-119
5. Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D. Inequality in Russia on the background of other countries: income, wealth, opportunities. Analytical report. HSE University. Moscow, NIU VSHE, 2021. Assessed 10.04.2022. URL: https://www.hse.ru/data/2022/03/14/1808800660/02_Mareeva_Inequality_in_Russia_NCMU_Site_03-2022.pdf (in Russ.).
6. Model' dohodnoj stratifikacii rossijskogo obshhestva: dinamika, faktory, mezhstranovye sravneniya [Income stratification model of the Russian society: dynamics, factors, cross-country comparisons]. Ed. by N. Tikhonova. Moscow, Nestor Istoriya, 2018: 368 (in Russ.). DOI: 10.317544469-1419-7
7. Petukhov V. V. Ideological and political preferences of the Russians: changing of the discourse. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 2020: 8(4): 25–43 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2020.8.4.7654
8. Pishnyak A. I. The population dynamics and mobility of the middle class in Russia, 2000–2017. *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya*, 2020: 29(4): 57–84 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-4-57-84
9. Rimskij V. L. Justice in contemporary Russia: dreams and use in social practices. *Obshhestvennyye nauki i sovremennost'*, 2013: 5: 27–36 (in Russ.).
10. Srednij klass v sovremennoj Rossii. Opyt mnogoletnih issledovaniy [The middle class in modern Russia. The experience of long-term research]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' Mir, 2016: 368 (in Russ.).
11. Tikhonova N. E. Consequences of the 2020–2021 crisis for different professional groups in Russian society. *Sotsiologicheskij zhurnal*, 2021: 27(2): 46–67 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8086
12. Tikhonova N. E. Various theoretical approaches to the Russian middle class: thresholds and internal structure. *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya*, 2020: 29(4): 34–56 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-4-34-56
13. Tikhonova N. E. Life success and social status factors in the minds of Russian. *Vestnik instituta sotziologii*, 2018: 9(4): 11–43 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.536
14. Cojocar A. Fairness and inequality tolerance: evidence from the Life in Transition survey. *Journal of Comparative Economics*, 2014: 42 (3): 590–608. DOI: 10.1016/j.jce.2014.01.003
15. Gimpelson V., Treisman D. Misperceiving inequality. *Economics & Politics*, 2018: 30(1): 27–54. DOI: 10.1111/ecpo.12103
16. Hauser O. P., Norton M. I. (Mis) perceptions of inequality. *Current Opinion in Psychology*, 2017: 18: 21–25. DOI: 10.1016/j.copsyc.2017.07.024
17. Hirschman A., Rothschild M. The changing tolerance for income inequality in the course of economic development. *The Quarterly Journal of Economics*, 1973: 87(4): 544–566.

18. Krijnen J. M., Ülkümen G., Bogard J. E., Fox C. R. Lay theories of financial well-being predict political and policy message preferences. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2022: 122(2): 310–336. DOI: 10.1037/pspp0000392
19. Larsen C. How three narratives of modernity justify economic inequality. *Acta Sociologica*, 2016: 59(2): 93–111. DOI: 10.1177/0001699315622801
20. Loveless M. The Deterioration of Democratic Political Culture: Consequences of the Perception of Inequality. *Social Justice research*, 2013: 26: 471–491. DOI: 10.1007/s11211-013-0198-7
21. Schneider S. Why Income Inequality Is Dissatisfying. Perceptions of Social Status and the Inequality-Satisfaction Link in Europe. *European Sociological Review*, 2019: 35(3): 409–430. DOI: 10.1093/esr/jcz003
22. Wilkinson R., Pickett K. *The Spirit Level: Why More Equal Societies Almost Always Do Better*. London, Allen Lane, 2009: 330.

The article was submitted on: April 26, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Mareeva, Candidate of Sociological Sciences, Leading researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS